

С. Н. ХОДИН

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1920–1930-е гг. занимают особое место в истории стран т. н. Балтийского региона. В Литве, Латвии, Эстонии – странах, которые, как и Беларусь, длительное время входили в состав Российской империи, начинается процесс утверждения государственности на национальной основе. И если первоначально в Польше и прибалтийских государствах этот процесс проходил на основе парламентской демократии, то со второй половины 1920-х гг. формируются механизмы действия авторитарных националистических режимов [1]. Беларусь (первоначально ее советская часть) развивалась, прежде всего, по пути социальных преобразований. Национальная составляющая была подчинена задаче построения социалистического государства. И если в 1920-е гг. на основе традиций толерантности она все же просматривалась даже в провозглашенной политике «коренизации» – «белорусизации», то уже с конца 1920-хх. гг. национальное оценивается как националистическое и подвергается пре-

12

следованию. Очевидно, что все это происходило не без учета внешнего фактора. И не менее заметно, что многие из тех задач по консолидации нации Беларуси приходится решать в настоящее время в новых условиях и при наличии иных представлений о демократичности подобного рода процессов.

Этносоциальная динамика дает нам возможность четче видеть происходившие в 1920–1930-е гг. социально-экономические и политические процессы, а за цифрами различать особенности социальной психологии населения Беларуси в межвоенный период [2].

Современный мировой кризис продемонстрировал хрупкость стабильности и взаимозависимость в глобальных масштабах. Для гуманитариев, очевидно, что, прежде всего, это – «кризис в головах», в основе которого эгоцентризм и жажда прибыли, не отягощенные морально-этическими устоями. В постмодернистском мышлении происходят попытки отказа от прежних подходов к решению проблемы «свой – чужой», поиск новых методологических подходов и новых источников. Вслед за М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом исследователей все больше интересует девиантное поведение, которое в ряде случаев рассматривается как серьезная угроза стабильности социальной системы [3]. С позиций синергетической парадигмы девиантное действие является следствием бифуркации, возникающей на уровне общества, группы и индивида. В бифуркационный период возникает многообразие форм девиантного действия, причиной которого может стать недовольство индивида социальной структурой, господствующей культурой и собственным достигнутым статусом. Этничность как один из параметров взаимодействия в обществе выявляется в таком случае как мощный катализатор социальных и политических изменений.

Вместе с тем этничность проявляется, прежде всего, через традицию. Традиция как социальная форма выражения общего закона преемственности обладает устойчивостью, которая позволяет аккумулировать культурный опыт, осуществлять его передачу, а динамичность способствует обогащению, взаимодействию традиций с другими явлениями общественной жизни. Формируясь на протяжении многих веков, традиция вбирает в себя весь накопленный исторический опыт, всю мудрость народа, является связующей нитью между прошлым и настоящим. Традиционное общество белорусской деревни не испытало в полной степени кардинальной трансформации, через которую прошла Западная Европа (включая разрушение общинных отношений). Судьба белорусского крестьянства – это во многом судьба белорусского этноса. Ряд черт белорусского крестьянства сложился исторически, на протяжении столетий.

Системность изучения исторических процессов требует применения микро- и макроподходов, равно как теории и практики макро- и микроизучения этносоциальных процессов. При макроподходе объект рассматривается как единое целое, а внутренние связи, внутреннее устройство объекта игнорируются. Общество понимается как система, которую нельзя объяснить на основе индивидуального поведения и взаимодействия; наоборот, индивидуальное поведение и отдельные процессы объясняются на основе системных закономерностей и структурных особен-

13

ностей. Основная теоретическая трудность в таком случае заключается в невозможности раскрыть источники системных закономерностей и конкретные механизмы их влияния и взаимовлияния. Однако указанная проблема максимально уменьшается, когда объект рассматривается как бы «изнутри». При микроподходе изучаются внутренняя структура, внутренние связи между его элементами. Такой подход позволяет не только рассмотреть динамику этносоциального развития, но и раскрыть источники выявленных системных закономерностей [4].

В связи с ростом внимания общества к фактору девиантного поведения все более распространенными становятся микроисторические подходы в исследовании этносоциальных процессов и комплекс источников, исследуемых при этом. Все более популярными среди исследователей становятся те сведения, которые длительное время существовали в устной форме. Действительно, люди обычно быстрее воспринимают некие типичные истории, нежели обобщенные материалы и цифры, описывающие макроисторические процессы. Подобные материалы как бы проецируются на прошлое и из прошлого через себя, через свой опыт, опыт своей семьи, своих друзей и близких. В таких историях действует небольшое число людей, руководствуясь своими мотивами, взаимодействуют внутри ограниченного и случайного времени и пространства. Типичные истории оказывают большое эмоциональное и поучительное воздействие, и чтобы дать понятное, жизненное объяснение социальных процессов, даже склонные к аналитике исследователи зачастую вынуждены излагать их в виде типичных историй.

Типичные истории, прежде всего, привлекают исследователей тем, что именно в таких повествованиях продолжают жить этнические стереотипы, которые по ряду причин цивилизационного (идеологического) характера исчезли с поля макроистории. Они формируются на основе шкалы ценностей, принятых в сфере данного этноса, через призму традиций и культуры, сложившихся в процессе его жизнедеятельности. Вместе с тем методика сбора и анализа подобного рода материалов несовершенна. Чаще всего исследователи предлагают собственные подходы, в результате их выводы являются мало сопоставимыми. В таком случае, как минимум, должны указываться как обстоятельства фиксации, так и способы ее (вопросы, методика, технические средства), а также определенная информация об авторе.

Очевидно, что при изучении этносоциальных процессов необходимо сочетать как макро-, так и микроисторические подходы, использовать весь комплекс источников. Именно это делает особо актуальным введение в научный оборот созданной базы данных Всесоюзной переписи 1926 г. по БССР. Перепись 1926 г. занимает особое место среди Всесоюзных переписей 1920–1930-х гг. Ее подготовка и проведение проводились в условиях широкой гласности, ее результаты были опубликованы в таком объеме, который не был превзойден ни в одной из последующих переписей, проведенных на территории Беларуси. Допущенный переучет населения (на 1,5 млн – до 1,5 % населения), по оценкам демографов, историков не выходил за рамки обычной неточности, характерной для подавляющего большинства общих переписей [5]. Что же касается переписей 1937 и 1939 г., то первая из них вызвала недоверие у власти в 1930-е, а второй – у ученых в 1990-е гг..

Основные динамические процессы можно проследить при сопоставлении нескольких переписей. Но для того, чтобы оно было конкретным, необходимо выяснить степень сопоставимости результатов переписей, сравнимость их вопросов. При этом недостаточно просто сравнить наличие вопросов во всех переписях. Часто, даже одинаково сформулированные вопросы оказываются несопоставимыми из-за несоответствия инструкционных указаний, следуя которым собирается материал. Поэтому сравнение материала без сопоставления программы и инструкций некорректно и приводит к противоречивым результатам. Публикации материалов переписи 1937 г., осуществленные на рубеже XX и XXI в., дают возможность, пусть по ограниченному перечню пунктов, сопоставить сведения о движении населения, в том числе по БССР. В частности, сопоставляя данные по родному языку, можно заметить увеличение доли лиц, определивших белорусский язык в качестве родного и некоторое увеличение лиц с польским языком. Это очевидно не укладывается в сложившиеся в постперестроечные годы стереотипы о начале тотальной русификации в Белорусской ССР с 1933 г. Согласно данным переписей 1930-х гг., количество русских и евреев по родному языку сократилось, а белорусов, поляков и иных несколько выросло.

Вместе с тем, сведения переписей 1937 и 1939 г. и не опровергают сами по себе утверждения о начале процесса русификации с начала 1930-х. Следует иметь в виду, что в переписном листе 1937 г. (а впоследствии и 1939 г.) согласно Инструкции по заполнению ответа фиксировалось название того языка, который опрашиваемый сам считал родным. И что особенно важно: для детей в качестве родного обычно определялся тот язык, на котором разговаривала его семья. Вполне очевидно, что процессы русификации, если они имели место, не могли проявиться в наибольшей степени уже к 1937–1939 гг. Но уже этот факт сам по себе говорит о многом.

Рассматривая социальную динамику белорусского крестьянства в межвоенный период, историк вынужден уделять большое внимание исследованию динамических переписей, бюджетных обследований,

годовых отчетов колхозов и совхозов. При этом следует иметь в виду, что каждый вид обследования преследовал конкретную цель. В этом случае причиной расхождения показателей разных видов статистического материала являются в первую очередь не его дефекты, а различия в способах изучения крестьянских хозяйств (механическая, гнездовая выборка и т. д.) и неоднородность изучаемых объектов [6, с. 109–118].

Значительный интерес представляют факторы трансформации и ее соотношение с модернизацией [7]. С одной стороны в изучаемый период наблюдаются изменения социальной структуры, связанные со значительным изменением статусных позиций титульных групп и влияющие на условия социальной трансформации, а с другой – обратное влияние трансформации на важнейшие этносоциальные процессы.

Представляется актуальным дальнейшее исследование этносоциального развития Беларуси периода 20–30-х гг. XX в, прежде всего: а) взаимосвязей белорусской традиции с традициями других европейских народов; б) взаимосвязи и взаимовлияний социальной психологии и экономического поведения различных групп

населения, особенно сельского; в) проблемы формирования национальной интеллигенции в советских условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоссовски, Петр. Балтийские государства в 1918–1940 гг. Сравнительное исследование / Петр Лоссовски // Страны Балтии и России: общества и государства; отв. ред.-сост. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. М. : Рефердум, 2002. С. 169–225.
2. Ходзін, С. М. Беларускае сялянства ў 1921–1939 гг.: гістарыяграфія, крыніцы, метады вывучэння // Веснік БДУ. Сер. 3. 2009. №1. С. 22–29.
3. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс; под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. 832 с.
4. Носевич Вячеслав. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск: «Технология», 2004.
5. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социол. исследования. 1990. № 6–8; Итоги переписи населения 1937 г. // Вестн. статистики. 1990. № 7. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
6. Беларуская вёска ў 1920–1930-я гг.: крыніцы, метады, вынікі вывучэння / Выбраныя навуковыя працы БДУ: у 7 т. Гісторыя. Філасофія. Журналістыка. Мінск, 2001. Т. 2.
7. Changing values and attitudes in family households with rural peer groups, social networks, and action spaces. Implication of Institutional Transition in East and West for Value Formation and Transmission. J. Cecora/ed. Bonn, 1994. – С. 68–69.